

ВИКТОР ПЕЧОРИН

Смерть повара

И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

Виктор Печорин

Смерть повара

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11314082

ISBN 9785447418083

Аннотация

29 июля 1776 года на кухне ставки верховного главнокомандования американской Континентальной армии был обнаружен окровавленный труп. Причина смерти очевидна: горло убитого перерезано острым поварским ножом, который валялся рядом...

Содержание

Клад	5
Утренник	13
Показательный полёт	17
Новогодняя история	22
Возвращение	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Смерть повара и другие рассказы Виктор Печорин

© Виктор Печорин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Клад

Аполлинария Никитична прожила в квартире на втором этаже старинной кирпичной шестиэтажки всю свою сознательную жизнь. Даже музыка, которая каждый вечер раздавалась снизу, из ресторана, ее давно перестала раздражать. Напротив, среди репертуара ресторанного оркестра у нее были любимые произведения. Иногда она даже специально приглашала к себе приятельниц попить чаю и послушать живую музыку. Когда музыканты фальшивили, старушка лишь снисходительно качала головой.

В общем, все бы ничего, только пол в квартире со временем обветшал. Да и понятно: сколько она тут прожила – ни разу в доме ремонта не было. К таким мелочам, как отстающие обои и пятна от протечек на потолке Аполлинария Никитична относилась стоически, но когда пол стал крошиться и проваливаться, она не выдержала и пошла в ЖЭК.

Как говорится, «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». Не прошло и три года, как родной ЖЭК, наконец, прислал ей двух работников с молотками, разводными ключами и прочими атрибутами рабочего человека. Старушка была так рада, что поднесла работникам чекушку, колбасу с хлебом и соленых огурцов. По наивности она полагала, что это угощение станет достойным вознаграждением рабочим людям после трудов праведных, однако они расценили по-

своему, и вдохновились на трудовые подвиги, лихо махнув по полстакана «Столичной» и похрустев огурцами.

Работников звали Степаныч и Саня. Степаныч был степенный мужчина в годах, настоящий ветеран коммунального фронта, а Саня – его подручный, молодой парень, из тех, кому еще учиться и учиться.

Придя в хорошее расположение духа после старушкина угощения, они взялись за работу, предварительно сдвинув мебель в один угол комнаты. Пол был, и правда, гнилой и легко поддавался гвоздодеру. Из-под выворачиваемых досок вздымалась пыль и характерный запах давно ушедших эпох.

Хуже всего пол выглядел посередине комнаты: здесь он провис наподобие лунного кратера. Старинные лаги совсем прогнили, да и доски пола рассыпались от прикосновения.

– Степаныч, глянь-ка, это чего? Железяка какая-то, – сказал Санёк, указывая в недра развороченного пола.

Между сгнивших лаг под слоем пыли тускло поблескивал угол плоского металлического предмета.

– А ну-ка, дай-ка я, – Степаныч отодвинул Саню и склонился над расщелиной. Отбросив в сторону мешающие куски дерева, он расчистил пыль и постучал молотком по слегка позеленевшей металлической плоскости. – Не, не железо. Надо думать – латунь. Коробка какая-то.

– Клад! – догадался Санёк.

– Да тихо ты, не ори, – свистящим шепотом осадил его

Степаныч, озираясь. Он попытался пошевелить предмет, но тот даже не шелохнулся. – Наверно, где-то лагой прижали, давай-ка вокруг доски повыворачиваем.

Разобрав еще часть пола, они разгребли мусор и пыль над своей находкой и тут даже бывалый Степаныч присвистнул от изумления. Из «культурного слоя» выступал идеально ровный угол предмета, а его стороны уходили вдаль, под еще неразобранные доски. Предмет явно был немалого размера! – Целый сундук или сейф! – прошептал Степаныч. – Это сколько ж в нем добра может быть!

– Сынки! А не хотите ли чаю? Я на кухне вам заварила – голос старухи, раздавшийся у них за плечами, заставил их вздрогнуть. Степаныч выразительно посмотрел на Саньку, дескать держи язык за зубами, и, загребая большой мозолистой рукой, присыпал находку мусором. – А спасибо, мать, конечно, отчего бы не попить. А то мы тут пыли у тебя наглotalись.

На кухне сидели молча, пили чай с баранками и печеньями и переглядывались, пока старушка хлопотала вокруг. – Ты бы вот, что, мать, – прервал задумчивое молчание Степаныч. – Сходила бы в магазин пока, что ли. Работы тут надолго, а душа-то просит, сама понимаешь. – Так ведь я ж вам, касатики, уже... – начала была старушка, но осеклась. – Нет, ну раз надо, так я... – Надо, мать, надо, – подтвердил Степаныч, и протянул ей смятый трояк. – Да не бойсь, на наши. Иди пока сходи. Купишь чекушку, ну там, килек. Да не спе-

ши, тут сейчас пыльно будет, так чтобы тебе не наглотаться, ты лучше на дворе с полчаса погуляй. Иди, мать, иди.

Выпроводив старушку, Степаныч вытащил разомлевающего от чая Санька из-за стола: – Некогда рассиживаться, хватай гвоздодер, живо!

С таким энтузиазмом работники ЖЭКа не работали еще никогда! Через двадцать минут можно было подумать, что в старушкиной квартире всю порезвился полтергейст: посреди комнаты в полу зияла огромная неровной формы дыра, вокруг кучами лежали и стояли занозистые доски с торчащими из них гвоздями, в воздухе клубилась пыль. Склонившись над дырой, Санек орудовал взятым на кухне мусорным совком, а Степаныч, наподобие археолога, смахивал пыль с плоской поверхности могучей дланью. – Гляди, тут кажись буквы какие-то, – сказал Степаныч, сдувая пыль с поверхности. В этот момент совок звякнул, встретив на пути сопротивление. – О, а это ещё что? Тут что-то торчит. Может, ручка? – откликнулся Санёк. Сбоку над плоской поверхностью предмета действительно что-то выступало. Отбросив мешающий мусор, Степаныч обнаружил, что препятствием санькову совку послужил большущий шестигранник, похоже, тоже латунный. А ближе к середине на расчищенной от пыли гладкой, тускло поблескивающей, поверхности виделись затейливые буквы на неизвестном нашим героям языке. Надпись была достаточно крупная и красиво исполненная, но, увы, непонятная. Зато тут были цифры «1897», очевидно

означавшие год.

– Старинная! – догадался Санёк. – Видать, до революции еще заложено, – подтвердил Степаныч. – Вот это нам повезло! Это ж настоящий клад! Может, какой купец замуровал. Только тс-с, никому ни слова. Отберут, все государству достанется, а нам только двадцать пять процентов, да и то не факт. А так – поделим по братски: мне шестьдесят процентов, тебе – сорок. – А чего это мне сорок? Это ведь я первый нашел, – возмутился Санек. – Ну ладно, поровну поделим. Только бы бабка не пришла.

Дальнейшее исследование находки показало, что она не очень походила ни на шкатулку, ни на сундук. Предмет был квадратный, примерно семьдесят на семьдесят сантиметров, и вблизи каждого угла было по большому шестиграннику. То ли сейф старинный, то ли люк в тайное хранилище, решил Степаныч. А это означало, что размер спрятанных там сокровищ мог быть еще больше, чем они предполагали вначале. – Наверно, надо эти штуки как-то повернуть, – предположил Санек, – я такое в кино видел. Только для этого надо знать комбинацию. – Раздумывать некогда, – возразил Степаныч, – давай покрутим, может что получится.

Шестигранники, однако, не поворачивались. Наверно, заросли от времени. Но и Степаныч не лыком шит. Разведя зёв большого разводного ключа на максимум, он накинул ключ на левый шестигранник. Слава богу, размера ключа хватило. Сначала шестигранник упирался, так что пришлось посту-

чать по ключу молотком, но потом поддался и несколько раз провернулся. Также провернулся и шестигранник в другом углу. Только никаких характерных щелчков при вращении их не наблюдалось. – Да ведь это обыкновенные гайки! – обрадовался Степаныч. – Не надо никакой комбинации! Шас открутим – и все. И он с энтузиазмом стал откручивать.

Две гайки снялись легко – это действительно были гайки, только очень большие, накрученные на толстые пруты с резьбой. Третья шла туго. Когда она была выкручена почти до половины, штыри, ранее освобожденные от гаек, частично утопились вглубь. Наконец, и третья гайка слетела. Внизу под плитой раздался скрежет. Но цель была уже близка. Даже ожесточенное сопротивление четвертой гайки уже не могло остановить кладоискателей. Они дергали рукоятку ключа по очереди, поливая упорную гайку отборным матом и растительным маслом, найденным на кухне. Наконец, при помощи невероятного мышечного напряжения и такой-то матери, удалось осилить последний поворот. Гайка слетела с резьбы, Степаныч, вместе с ключом, продолжая движение, зарылся носом в пыль, а где-то далеко внизу раздался приглушенный грохот и звон. Кладоискатели вновь склонились над находкой. Теперь тяжелая латунная плита был свободна, даже выступавшие из нее штыри с резьбой куда-то исчезли. Подцепив плиту за один край, они откинули её в сторону и замерли в глубочайшем изумлении. Под плитой им открылся не сейф, и не лаз в тайник. Там был... обычный цементный

пол, в котором зияли четыре глубокие дырки от тех штырей, на которых были закручены гайки. И больше там ничего не было!

В изумлении незадачливые искатели сокровищ, лишённые дара речи, уставились друг на друга. В комнате повисла поднятая упавшей плитой пыль и мертвая тишина.

Долго ли длилась эта немая сцена, сказать трудно.

Через некоторое время она была прервана настойчивым стуком в дверь, причем стучали, похоже, не только руками...

Тем временем, этажом ниже персонал и, по неурочному времени, ещё немногочисленные посетители ресторана наблюдали следующее необъяснимое явление. Многоярусная старинная люстра, украшавшая зал и придававшая ему особую торжественность, вдруг ни с того, ни с сего начала подрагивать, позвякивать своими хрустальными сосульками, потом заскрежетала и накренилась на один угол.

Посетители, которые сидели ближе к центру, повскакали с мест, официанты тоже прижались к стенам, у знойного красавца-бармена до щелчка отпала челюсть. Уборщица тетя Маша осеняла себя крестным знамением, пятясь к выходу. Кто-то крикнул: «Землетрясение!». Раздался истеричный женский визг, люстра несколько раз сильно качнулась, а затем... А затем вся эта лавина бронзы и хрусталя, позвякивая, сверкая и искрясь, алмазным водопадом рухнула вниз, произведя страшный грохот и погребя под собой вы-

сившуюся посередине зала разлапистую пальму, пару столов и несколько стульев.

Объяснить оба эти удивительных события, произошедших практически в одно и то же время, но в разных точках пространства, а именно – нахождение и внезапное исчезновение клада в бабкиной квартире и падение антикварной люстры в ресторане, – оказалось возможным, только совместив оба эти события и протянув между ними причинно-следственные связи. Связи эти обеспечивались четырьмя толстыми прутами, пропущенными сквозь перекрытие ресторанный зала еще во время строительства дома, и надежно закрепленными сверху четырьмя гайками, опирающимися для надежности на толстую латунную плиту. На плите было выгравировано по-французски, что люстра изготовлена фирмой «Рожер Прадье» в 1897 году по уникальному проекту архитектора ле-Дюка. Эти-то гайки путем невероятных усилий и открутили своими трудовыми руками Степаныч с Саньком, принявшие латунную плиту с загадочной надписью за крышку замурованного клада.

Потом, конечно, горе-кладоискателям предстоял длинный и скучный разговор в казенном доме, но это уже совсем другая история.

Утренник

Никогда не угадаешь, когда и где жизнь преподнесет тебе урок.

Один из первых таких уроков, во всяком случае, из тех, которые запечатлелись в моей памяти, я получил на новогоднем утреннике в детском саду.

Утренник, чтоб вы знали, это что-то наподобие взрослой вечеринки, только утром и без алкоголя.

Обычно утренник напоминает нечто вроде самодеятельного спектакля, режиссером которого выступает одна из воспитательниц, роли исполняют дети, а в качестве публики используются приглашенные родители, то есть взрослые.

Что за действо разыгрывалось на детсадовских подмостках в тот раз, я помню смутно. Заполнился только восход солнца вручную – большой картонный круг, изображавший солнце, был подвешен на задней стене на гвоздике, и его за веревку тянула старшая воспитательница, отчего солнце, пошатываясь, рывками ползло вверх.

Кульминацией праздника было вручение подарков Дедом Морозом, – он по очереди вызывал детей к елке, и спрашивал то, что обычно спрашивают взрослые у детей: «как тебя зовут?» и «кем ты хочешь стать, когда вырастешь?» А потом, вне зависимости от ответа, называл «молодцом» и одаривал

игрушкой из бархатного мешка.

Большинство моих товарищей высказывало желание стать космонавтами или пожарными. Врачи и военные котировались меньше.

Когда очередь дошла до меня, я вполне искренне сказал, что хотел бы стать... энтомологом.

Честное слово, я никого не хотел обидеть или унижить – просто сказал то, что думал.

Я и правда очень любил наблюдать за жизнью насекомых. Они казались мне какими-то инопланетными существами, живущими своей, непохожей на нашу, параллельной жизнью. Они строят дома, добывают пищу, воюют, растят своих детей. Мне нравилось разглядывать этих существ. Одни из них одеты в роскошные одежды, другие производят угрожающее впечатление, неся на себе оборонительные и наступательные орудия: огромные рога, жала, лапы-клещи, мощные челюсти. Я упивался книгой Жан-Анри Фабра с забавным названием «Нравы насекомых» и мечтал посвятить свою жизнь энтомологии – наблюдению за насекомыми.

Именно эту простую правду я и сказал.

Не забыть мне выражение лица Деда Мороза в тот момент. Он сглотнул, его глаза округлились, челюсть под накладной бородой отвисла.

– Кем?

– Энтомологом.

Последовала немая сцена.

Дед Мороз беспомощно смотрел на старшую воспитательницу, та лихорадочно перебирала свой словарный запас, одновременно прикидывая, не прозвучало ли на вверенном ей мероприятии чего-то антисоветского. Некоторые взрослые привстали со своих мест. Картонное солнце вдруг сорвалось вниз, грохот его падения казался оглушительным в наступившей тишине.

Кто знает, сколько бы еще висела эта неловкая пауза, если бы не звонкий детский голос:

– Фантомасом! Он хочет быть Фантомасом! – крикнул какой-то мальчик.

В зале как будто включили внезапно вырубившийся звук. На зрительских скамьях послышалось оживление, какой-то мужик рассмеялся басом, мамыши защебетали, загомонили дети.

– Тихо, дети, тихо! – засуетилась воспитательница. – Никаким не Фантомасом. Он – наверно – хочет – быть, – продолжила она, неестественно растягивая слова и выразительно глядя на меня, – кем? – космонавтом! Правильно?

– Правильно, – неуверенно буркнул я.

Дед Мороз, избегая смотреть в глаза, сунул мне плюшевого мишку и подтолкнул в спину, мол, исчезни. Старшая воспитательница преувеличенно бодро стала строить детей

в хоровод. Через несколько минут уже никто не вспоминал о случившемся, будто ничего и не было.

Праздник шел своим чередом.

А я вывел для себя первый закон социального поведения: если не хочешь остаться непонятым, говори то, чего от тебя ожидают. Даже если это неправда.

Показательный полёт

Приборы в порядке. Высота... Скорость... Что-то там стучит слева. Сердце? Да нет, железо. Не забыть завтра сказать механику, чтобы проверил.

Голова вспотела под шлемом. Почему здесь не предусмотрена вентиляция? Черт возьми, и так мало волос осталось, это в мои-то годы. Господи, а времени-то сколько! Уже темнеет. Алёнка заждалась. Совсем уже большая, три года. Принесла же нелегкая эту комиссию. Им игрушки, а тут приходится опаздывать на день рождения дочки.

«Второй, я Седьмой. Слышу вас. Прием... Вас понял, перехожу к выполнению второго упражнения... До связи».

Осень уже совсем. Вон как темнеть рано стало. Ну вот, совсем немного осталось. Завтра сдам машину стажёру, и привет. Пусть теперь он её моет, салага.

Что-то долго они там. Эх, сейчас бы в казарму. Поужинать, да в ленкомнату, к телевизору. Вторая серия, как-никак. Кто же сегодня дежурит? Неужто старшина? Ай-яй-яй, этот не даст посмотреть.

Вообще-то пора отлить. Только где? Кругом бетонка – неудобно. Разве за машиной, под колесо...

– Эй, братан, закурить не будет? Что у вас там, в столице, смотреть не на что? А чего они сюда прикатили? Ух ты,

смотри, какой разворот! Вот это да!

– Ты сам-то откуда? А-а. Ну да. Скоро домой? А, ну тебе ещё как медному котелку...

– Смотри, смотри! «Мёртвая петля». Какая «бочка», я говорю тебе – «петля». Вон седьмой заходит, вот этот сейчас даст! Майор Андрюшкив. Опытный волк, хоть ещё и молодой. Да что ты со своим пятым. Давай на спор. На пачку «Астры». Ставлю на седьмого. Гляди, гляди, что делает. Чуть крышу не задел, на бреющем прошел...

Нога опять заныла. Когда же он закончит? Время-то уже не детское. Хоть вторую серию посмотреть. Да и живот уже урчит. Интересно, что дадут на ужин. Вот за что люблю командировки, так это за ужины. Умеют угощать провинциалы. Нынче бы коньячку не грех. Только как командующий посмотрит? Нет, пожалуй, при нём лучше поостеречься. Ну его к бису.

Интересно, как там Машка в колхозе? Надо бы позвонить, да уже не успеть. Поздно приедем. Пятый хорош, пожалуй, можно поставить «отлично».

– Мое мнение? Пожалуй, плавности не хватает, Александр Ильич.

Нечего вылезать со своим мнением. Ты командующий, ты и решай.

Ох, Машка, Машка. Так не хотел отпускать. Там эти нынешние, стилиаги... Одно только на уме. Танцульки да дев-

ки. Строгости нет. Как бы она там с таким не связалась... Ну ничего, мать присмотрит... Какой тут, однако, сквозняк. А летают ребята неплохо. Вон седьмой, хотя бы. Кто это? Андрюшкив? Молодец, Андрюшкив. Эх, как прошел. Чкалов! Но командующий сдержан. Не щедр на похвалы Александр-то Ильич. Найдёт недостатки, раздраконит по первое число. Без этого нельзя. А то бояться не будут. Молод еще, да горяч. Прежний-то, Поликарпыч, говаривал: ты, говорит, с ним и выпей, и закуси, и хозяйку похвали, но недостатки всё же найди, на то ты и начальник.

Ах, да что это он? Чуть крышу не снес. Дурит, что ли? Или неполадки?

– Да постой, погоди. Кто сказал, что проспори́л? Это он так, для эффекта. Сейчас со второго захода сделает. Я его знаю.

Э, может и впрямь что-то неисправно? Опять не смог, на третий круг зашел. Ну, давай, давай! Руль высоты на себя!

Да ты смотри, у него правое шасси наполовину открыто. Это ж... как же он сядет? Ах, черт возьми, вот тебе и кино.

Проклятье! Руль заклинило...

«Правое? Знаю. Разрешите повторную попытку? Нет, садиться не могу. Попробую закрыть шасси переворотом».

Плакала моя отличная оценка... Эх, и разнесу я завтра этого механика. Уж он у меня запомнит, как надо машину

обслуживать.

Так. Спокойствие. Разворот, руль высоты на себя. Что ж ты чихаешь? Ну, родимый, выноси...

Откуда взялся этот прожектор? Там же его не должно быть. Бьет прямо в стекло... Огни какие-то. Да что же это? Всё же должно быть... Свист. Что они там кричат в наушнике все сразу? Ничего не разобрать. Так, это диспетчерская. Вон машины стоят, всё правильно. Только почему они так быстро увеличиваются? Неужели?... Нет, прыгать я буду только в последний момент. Вынесет, вынесет. Тьфу-тьфу-тьфу. А, чёрт, не через то плечо. Эх, цветочки-лютики! Аленка, не плачь, родная. Руль! «ЗАТКНИТЕСЬ ВЫ ТАМ, МУДАКИ! Принимаю решение ката...».

Искаженная скоростью цифра 007 размазалась по крылу. Так бывает на фотографии с плохой выдержкой. Крылатый демон, точно огромная летучая мышь, матово поблескивая, приближался к бетонным квадратам поля. Во тьме протянулись красные ниточки бортовых огней, – прямо трассирующие пули... За стеклянной стеной диспетчерской, освещенные ярко-жёлтым светом, заметались серые фигуры в высоких шапках. Временами рёв превосходил порог слуха и тогда он ощущался как прикосновение плотной тьмы. Тогда казалось, что неожиданно наступила тишина и в этой тишине часы отсчитывали время в обратном порядке, сколько его еще оставалось. Или это стучало сердце?

Вдруг тьму расколола ярко-белая вспышка и бетонная взлетная полоса содрогнулась всеми своими кубометрами. Огненный шар взметнулся, расплзаясь во все стороны. Обломки машины просвистели со скоростью артиллерийских снарядов. Стена огня прошла через ряды испуганно вжавшихся в землю автомобилей, которые от её прикосновения становились на дыбы и разлетались на составные части. Удивленный диспетчер увидел проплывающую мимо «Волгу». В следующее мгновение, стекла широких окон прогнулись внутрь и лопнули, не выдержав яростного напора. Грохочущее пространство ворвалось со всех сторон в беззащитную коробку диспетчерской. Бросившись под стол, диспетчер успел заметить, как мимо пронесли пылающие куски металла.

Пожилой полковник почувствовал, что ревматическая боль в ноге прошла. Пытаясь подняться, он шлепал рукой по липкой, пахнущей чем-то сырым луже, в которой лежал, и никак не мог понять, что подняться невозможно, поскольку его больная нога существовала теперь сама по себе и ее пинали люди, наступавшие на него, лежащего на верхних ступенях лестницы.

Музыканты, которые будут играть на их похоронах, смотрели вторую серию по телевизору.

Новогодняя история

Жизнь порой подбрасывает такие сюжеты, какие и в кино не всегда увидишь.

Вот какая история произошла с одной моей знакомой.

Женщина она, что называется, «бальзаковского возраста». Сделала неплохую карьеру, защитила диссертацию, но за всеми этими хлопотами несколько запоздала с личной жизнью. Ну, некогда было этим заниматься. Поэтому все у неё было хорошо – не хватало только обыкновенного женского счастья.

И вот, познакомилась она через интернет, – а где ещё в наше время знакомиться немолодой интеллигентной даме? – с парнем, который был её лет на ...дцать моложе. Хороший был парень, положительный. Курил в меру, почти не выпивал, собой красавец. Начали они встречаться.

Прежнюю бизнесвумен стало не узнать: появился блеск в глазах, одеваться стала более романтично, что ли, лицо расцвело задумчивой внутренней улыбкой.

Как-то раз, смущаясь, она призналась, что мечтает, чтобы он переехал к ней насовсем, чтобы не чувствовать себя одинокой в большой пустой квартире. Только сомневается: действительно ли он ее любит, или только пользуется её невосребованной нежностью?

А в чем, собственно сомнения?

Да вот, как-то его поведение иногда меняется, и не понятно, с чем это связано. Обычно он предпочитает проводить с ней время дома, смотреть хорошие фильмы или слушать музыку под бокал сухого. Разве что выходили они иногда погулять в парке или пройтись по магазинам. Кстати, он обладает хорошим вкусом и подсказывает, что ей больше идет. Ну и она любила его наряжать, покупала ему дорогие вещи, – похоже, ему это нравилось.

Но иной раз, придя на свидание, он становился капризным, настаивал на том, чтобы вместо тихого вечера дома пойти в ночной клуб, «поколбаситься», как он выражался. Сначала она относилась к этому снисходительно: ну молодой ведь, энергию надо куда-то девать, хочется людей посмотреть и себя показать. Но потом это стало ее раздражать. Сама то она к молодежным танцам призвания не чувствовала, приходилось ей прозябать где-нибудь в темном углу клуба, когда он «зажигал» на танцполе с молодыми «барби». Чувствовала себя как динозавр свежееоткопанный.

Раз вообще казус вышел. Она ведь знала его вкусы и, пока ожидала его в клубе, заказала его любимые морепродукты, клубнику и белое вино. А он, когда пришел, заявил, что этого не ест, якобы у него аллергия, и попросил стейк с чипсами и «кровавую Мэри». А на дорогую рубашку, о которой, она знала, он давно мечтал, и которую она купила ему в подарок, даже не взглянул. «Может, виноваты критические дни?» –

недоумевала она. Но ведь у парней, вроде бы, критических дней не бывает...

Так и продолжалось у них почти год – то милая семейная идиллия – а то вдруг капризы, взаимные претензии, непонятки одним словом.

Тянуться бы и дальше этой истории, если бы наша дама не решила положить конец неопределенности и расставить точки над «і».

А тут и повод подходящий подвернулся – Новый год. Как владелица фирмы, она решила устроить праздник для своих сотрудников и заказала малый зал в одном модном клубе. На этом празднике она хотела представить коллегам своего избранника и подтолкнуть его к тому, чтобы он сделал ей официальное предложение.

Но организовать праздник оказалось легче, чем заставить потенциального жениха присутствовать на нём.

Он всячески отнекивался, приводил разные резоны, и заявил, что вообще терпеть не может клубы и другие людные места.

Сдался только после того, как она пообещала заказать ему костюм у Чапурина.

Праздник был фееричным, как ему и положено.

Для коллег появление их работодателя с молодым красавцем не было неожиданным, но они весьма искренне её поздравили и сами веселились во всю. А что за праздник

без танцев? Подняв очередной тост за присутствующих дам, коллеги-мужчины предложили продолжить веселье на танцполе.

Наша героиня, сияя от счастья, вопреки обычной застенчивости, тоже решила не отставать, хотя её спутник уговаривал её остаться в малом зале.

И вот, веселая толпа коллег вывалилась на танцпол, где гремела музыка и сверкали молнии стробоскопов. Образовав свой круг, коллеги принялись совершать те конвульсивные движения, которые сегодня называются танцами. У молодых это смотрелось легко и непринужденно, люди в возрасте больше походили на молдаван, мнущих виноград ногами. Но, учитывая выпитое, все чувствовали себя превосходно и весело.

Наша дама, чувствуя себя королевой вечера, тоже веселилась, ловя на себе восхищенные взгляды мужчин. Даже светотехник время от времени выхватывал её из полумрака ярким лучом прожектора, заставляя сверкать её наряд, весь в серебристой чешуе.

И вдруг, в какой-то момент, эта блистательная дама застывает в луче прожектора, уставившись в одну точку.

И весь круг танцующих рядом её коллег посмотрели туда же.

И увидели, что в углу зала пришедший с ней молодой человек... припал лицом к пышным грудям их секретарши, девицы хотя и красивой, но феноменально глупой.

Светотехник, повинувшись гипнозу толпы, перевел свой прожектор на эту парочку, а диджей, растерявшись, нажал не на ту кнопку, и в зале повисла гнетущая тишина.

В следующий момент присутствующие стали свидетелями такой мизансцены.

В центре ее, как и полагается, была хозяйка вечера в своем блистающем платье. Слева от нее, в свете прожектора, застигнутые врасплох, все еще обнимались ее возлюбленный с ее же секретаршей, а справа, со стороны малого зала, к ней приближалась... вторая версия ее избранника со словами: «дорогая, я тебе сейчас все объясню!»

Наша героиня, не выдержав темпа событий, натурально падает в обморок, ее возлюбленный, вместо того, чтобы оказать ей помощь, в неподдельном отчаянии бросается на своего «дубля» со словами: «Это ты, ты, ты все испортил!», и оба молодых человека падают на пол, безжалостно колотя и кусая друг друга...

Объяснение этой почти мистической новогодней истории оказалось незамысловатым.

Два брата-близнеца из провинции приехали покорять Москву.

Несмотря на то, что они были близнецами, по характеру были полными противоположностями. Один, тот, с кем и познакомилась наша дама, обладал романтической и можно даже

сказать, меланхоличной натурой, был вовсе не падок на дорогие подарки, был домосед, и, похоже, по-настоящему ее любил, несмотря на разницу в возрасте.

Но он был не силах отказать постоянным просьбам брата, который так и не смог как следует устроиться, но очень любил тусить по клубам, морочить голову молодым девицам, представляясь им то ли крутым бизнесменом, то ли политиком, то ли режиссером.

Поддержание имиджа требовало немалых расходов – «нужно быть в тренде». Узнав, что брат закрутил роман с богатой пожилой теткой, он сначала просил его покупать ему одежду в дорогих магазинах, благо размер у них был одинаковый, престижные часы и другие аксессуары удавшейся жизни.

А потом и вовсе стал временами приходить вместо него на свидания, чтобы иметь возможность посетить места, несовместимые с уровнем его дохода.

Впрочем, дохода у него никакого и не было, если не считать того, что ему перепало от покровительницы.

Таким образом, наша дама, сама того не подозревая, состояла в отношениях с двумя парнями одновременно, ну и содержала за свой счет их обоих. В тот новогодний вечер судьба случайно (а может не случайно?) свела их в одном месте: непутевый брат никак не ожидал встретить в клубе этого тихоню с его дамой сердца.

Он пришел туда отметить праздник с друзьями, а то, что

девица, которую он уже начал клеить, оказалась секретаршей нашей героини, было вообще непредсказуемо.

Понятно, узнав о циничном обмане, жертвой которого она, неглупая деловая женщина, оказалась, она пришла в ярость и разорвала эти ненормальные отношения, сообщив о братьях-аферистах куда следует, так что им пришлось срочно уносить ноги из столицы.

Заодно уволила дуру секретаршу и некоторых слишком говорливых сотрудников.

На обсуждение новогодней истории было наложено вечное табу.

И с удвоенной силой погрузилась в дела бизнеса.

Разговоры о надежном мужском плече с тех пор вызывают у нее кривую усмешку.

И только иногда из-под стальной брони нет-нет да и проглянет растерянный взгляд женщины, засыхающей без любви.

Возвращение

Тем летом я провёл несколько дней на берегу реки с друзьями, в импровизированном лагере, состоящем всего из двух палаток. Палатки мы разбили на краю поля, заросшего луговыми травами. На другом берегу круто поднимался от воды к самому небу заповедный дубовый лес.

Вырвавшись из суеты пыльного, душного города, мы наслаждались тишиной и покоем безлюдной местности, казалось, помнящей ещё набег монгольских орд и пугачёвской вольницы. Вечерами мы разводили большой костёр и, как огнепоклонники, засиживались возле него до той поры, пока не начинало светлеть широкое небо.

Однажды у костра зашел разговор о жизни и смерти.

Что есть жизнь, как не медленное умирание? Но жизнь вечна! Надо разграничивать приватную жизнь отдельного человека и жизнь вообще, как форму движения материи.

Правильно. Но отдельного человека волнует не столько общая закономерность, сколько то, что касается его лично. Мы знаем, что в будущем жизнь будет лучше и интереснее, но это будет уже после нас. Мы не можем ждать! Поэтому мы воспринимаем свою жизнь как отпущенный нам промежуток времени, в течение которого мы должны успеть как можно больше. Что важнее: то, что мы оставим после себя или то, как мы прожили свою жизнь? как реализовали себя?

А смерть? является ли она необходимым итогом жизни? Закономерна она или аномальна? Может ли человек познать, что такое смерть – не снаружи, нет – это всем известно, а изнутри? Или это своего рода «ноумен» – вещь в себе? Существует ли что-то после смерти?

Последний вопрос не вызвал споров. С максимализмом, свойственным юности, мы сошлись во мнении, что смерть – это физическое разрушение живой материи и, следовательно, после смерти нет ничего, кроме процессов распада и гниения.

Конечно, наивно было искать решение этих вопросов, которые человечество решает уже не одну тысячу лет, нам, не обладавшим жизненным опытом. Тем не менее, это представлялось тогда важным и необходимым.

Костер угасал, а молодость брала своё: мы разбрелись по палаткам, так и не разрешив мировых вопросов.

Утреннее солнце рассеяло ночные темы как предрассветный сумрак. В нашем возрасте более естественно наслаждаться жизнью, а не толковать о смерти.

Настало утро. Мы решили искупаться – неподалёку был небольшой песчаный пляж – и с наслаждением вступили в прохладную быструю воду. Как часто бывает в таких случаях, мы поспорили, кто быстрее доплывёт до острова. Вздывая сверкающие брызги, смеясь и толкаясь, мы ринулись к поросшему серебристыми кустами островку, видневшему-

ся на самой стремнине.

Выгребая против довольно сильного течения, я внезапно почувствовал, как мышцы левой ноги сократились и ногу словно сковало, так что я уже не мог пошевелить ею. Я растерялся и забыл о тех способах, которые позволяют удержаться на воде в таком состоянии. Я судорожно забил руками, и пытался крикнуть на помощь друзей, но мутная струя воды вдруг плеснула мне в лицо, забив глаза, нос и рот. Друзья, увлеченные соперничеством, не заметили моих призывов. Я отчаянно боролся за жизнь, но какая-то сила увлекала меня под воду, на дно. От страха я раскрыл глаза и увидел, что полого идущее дно в одном месте делает глубокую воронку, и что эта воронка находится как раз подо мной. Туда меня и затягивало нисходящим потоком. Конвульсивные движения лишь ослабили меня и заставили наглотаться воды.

Увидев под собой эту зловещую воронку, я понял, что сопротивление бесполезно и это принесло неожиданное облегчение. Можно было больше не дёргаться, не бить руками, не глотать судорожно новых порций воды. Но это облегчение пришло только на миг. Я стал задыхаться, и вновь забился, силясь вырваться из жадных объятий реки. Мне нужен был глоток воздуха, хотя бы один глоток. Судорожные движения, однако, только усиливали расход воздуха...

Дно стало как бы прогибаться, стороны его поднимались и поднимались всё выше, создавая подобие большой чаши. Сверху была серебристая поверхность воды, все более

удалявшаяся. Казалось, я падаю внутрь огромного мягкого мешка и его края вытягиваются вверх, чтобы сомкнуться над моей головой. В висках стучало, словно быстрый метроном. Внутренности конвульсивно сжимались, стараясь выбросить наружу холодную воду, проникшую уже в желудок. Подкапывала тошнота. В глазах сходились и расходились цветные круги. Причем они сходились друг с другом настолько плотно, что между ними совсем не оставалось зазоров. Позже я долго мучился, пытаюсь понять, как это получалось, но тщетно, а тогда это казалось очевидным, само собой разумеющимся.

И вдруг всё померкло. Померкло внезапно, как будто выключили свет. Мешок сомкнулся. Блаженное чувство покоя охватило моё существо. Сначала была только серая мгла вокруг. Это длилось недолго, но было на удивление... хорошо. Никакие ощущения внешнего мира не достигали меня через эту мглу. Затем я почувствовал как бы легкое движение вверх. Я огляделся и увидел свое тело лежащим на дне. Я был немного выше своего тела, но как бы отдельно от него. Это отделение от тела удивило меня и в то же время было приятным. Казалось, все судороги в желудке, боль в висках, потребность дышать – остались там, в бездыханном теле.

Я наслаждался ощущением свободного парения над своим телом и постепенно поднимался все выше и выше, туда, где виднелся сноп белого света, яркого, но не резкого. Этот сноп света возвышался в виде пирамиды, и он был жи-

вым, состоящим из отдельных колеблющихся лучиков и он весь был – движение вверх. Мир как бы рассыпался, распался на части и из его обломков возник этот столп света, это движение.

Поднимаясь все выше, я заметил вокруг неясные туманные фигуры. Точнее, я не видел их, а ощущал их присутствие. Они тоже поднимались вверх и были, как и я, погружены сами в себя.

Пространства не было: оно осталось там, внизу, грудой грубых обломков. Здесь же было только время или какая-то субстанция, похожая на него. Это было движение, – постоянное, непрерывное движение вверх. Закон этого движения был прост и очевиден. Чем выше – тем всё приятнее было парить. С каждым дюймом высоты я попадал в область нового блаженства, не сравнимого ни с чем из того, что я испытывал в прошлой жизни, и это стремление к высшему наслаждению, которое заключалось в покое, во внутреннем бытии, – это стремление было той силой, которая увлекала вверх.

На самом верху, как в вершине пирамиды, куда сходились все лучи, грезилась некая светящаяся сфера, и я всё быстрее устремлялся к ней. Я был весь захвачен волной непередаваемых ощущений, понятий, видений. Я поражался их очевидности, тому, как мог я раньше не замечать, не понимать этого. Я ощущал сошествие на меня такой мудрости, таких всеобщих знаний, перед которыми все земные знания казались детским лепетом.

Но вдруг парение замедлилось, и лучи перестали удерживать меня. Я ощутил страх падения: ведь я вознесся уже так высоко! Подо мной закрутился вихрь, втягивающий меня вниз. Было очень неприятное сосущее ощущение пустоты под ногами. Наверно, такое ощущение испытывает парашютист прежде, чем дёрнет за кольцо. Я как будто падал в сорвавшемся с тросов лифте.

Пространство колебалось и сотрясалось упругими волнами, которые искажали всё вокруг. Внизу показалось на миг мое тело. Дальше всё смешалось в головокружительном калейдоскопе. Окружающий мир вновь облёкся в свою жёсткую оболочку, которая сковывала и стесняла движение. Сотни острых игл вонзились в меня. И вдруг – толчок падения.

Боль, тяжесть, тошнота, присущие телу, вновь вернулись. В груди что-то клокотало. Я ощутил прикосновения, показавшиеся мне грубыми и неуместными.

«Не надо! Оставьте меня! я хочу туда!» – хотелось мне закричать, но из горла вырывалось только хриплое клокотание.

Мало по малу сознание возвращалось. Друзья, перепуганные случившимся, сделали всё, что могли – и привели меня в чувство. Я обязан им жизнью. Но в первый момент пробуждения я был страшно сердит на них: если бы не их вмешательство, мне, может быть, удалось бы проникнуть туда, к источнику света, к самой вершине!

Позже я пытался рассказать им о моем путешествии по ту сторону жизни, но слова оказались слишком грубыми

и неуклюжими, чтобы описать ощущения, которые мне выпало пережить.

С тех пор я не участвую в разговорах о жизни и смерти. Жизнь стала казаться мне досадной преградой на пути к достижению истинного блаженства. Я вновь и вновь желал ощутить его, но никакие земные способы – ни алкоголь, ни секс, ни другие суррогаты счастья – ничто не могло сравниться с тем, что я однажды пережил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.